

Уголки глаз Чжао Наня покраснели, а тело пропиталось сладким запахом фруктового вина.

Вокруг все спорили о предполагаемых экзаменационных вопросах. Он прикусил белыми зубами край чашки, глуповато улыбаясь от хмеля, и невольно вспомнил геройские подвиги прежней жизни.

— На одном экзамене в конце семестра...

Чжао Нань медленно заговорил и растопырил пять пальцев.

— Мой сосед по парте угадал сразу восемь вопросов. Они давали семьдесят баллов...

Хэ Пэнъи ничего не понял, но был впечатлён. Он подошёл и помог Чжао Наню показать ещё три пальца.

— И что было дальше?

Чжао Нань пьяно прищурился, посмотрел на две поднятые руки и честно ответил:

— После экзамена учитель снял с меня пять баллов.

Он счастливо рассмеялся.

— Я ни одного вопроса не написал. Уснул. Лицом на ручку упал и проткнул бланк...

Хо Чэнчуань:

— ...

Мэн Инцзюнь:

— ...

Последний как раз отмечал для этой компании чудовищ и демонов наиболее вероятные темы. Услышав рассказ, он дёрнул кистью и поставил на бумаге огромное чёрное пятно.

— ...

Мэн Инцзюнь повернулся к Чжао Наню, увидел покрасневшие уголки глаз, затем опустил взгляд.

На столе валялось пять или шесть маленьких пустых кувшинчиков.

Он несколько мгновений странно молчал, затем раздражённо рявкнул:

— Уберите со стола всё вино!

Чжао Нань был уже совершенно пьян. Он уставился на слугу, который пришёл собирать бутылки, но один свежий кувшин всё-таки прижал к себе и положил под щеку, катая туда-сюда.

Хо Чэнчуань впервые видел его таким и не мог перестать смеяться.

— Да это же фруктовое вино.

Мэн Инцзюнь раздражённо потёр переносицу, присел рядом и посмотрел на кувшин, который Чжао Нань использовал вместо подушки.

— Как можно было напиться до такого состояния?

Он уже собирался встать, когда за занавесью раздался стук.

Тук-тук-тук.

Спокойный, терпеливый.

Слуга у двери сразу подошёл, открыл створку и поднял занавесь, впуская пришедшего.

Все в комнате уже были навеселе. Решив, что принесли новые блюда, они лениво повернули головы.

А затем разом замолчали и вскочили.

Пустой кувшин скатился со стола и с грохотом закрутился по полу.

Чжао Нань не понимал, что происходит. Уши у него покраснели, он растерянно поднял глаза — и внезапно встретился взглядом с Фу Цзюэчжи.

В комнате густо пахло вином.

Фу Цзюэчжи провёл языком по зубам и тихо усмехнулся.

Окружающие уже пришли в себя и начали приветствовать князя. Он доброжелательно кивнул и жестом велел им продолжать.

А затем высокая фигура остановилась перед Чжао Нанем.

Свет остался за спиной, и тень полностью накрыла сидящего человека.

Фу Цзюэчжи наклонился и ладонью коснулся горячей щеки. На тыльной стороне руки выступили жилы.

Голос был очень тихим и явно сдерживал какие-то чувства.

— Домой.

Ни намёка на попытку скрыть естественную близость и право заботиться.

Чжао Нань был совершенно пьяным. Фу Цзюэчжи слегка поддержал его, и тот тут же всем весом навалился на него.

— О.

Он встал, всё ещё прижимая к груди кувшин. Ноги были мягкими, шаги медленными.

Свечи колыхались. Занавески в комнате свисали низко и коснулись покрасневшего уха Чжао Наня.

Тот вздрогнул от щекотки и спрятался ближе к Фу Цзюэчжи.

Подражая ему, невнятно пробормотал:

— Домой...

— Я домой... за мной родитель пришёл...

Лоу Чжоу шёл позади них, не отставая ни на шаг.

Личная охрана князя рассредоточилась по коридору. Мечи висели у пояса, и все желающие приблизиться для разговора оказывались вежливо остановлены.

Чжао Наню было шумно.

Но обе руки были заняты кувшином, который он наотрез отказывался выпускать, поэтому закрыть уши было нечем.

Музыка в башне звучала без остановки, свечи сияли роскошно и тепло.

Он вдруг зашёл сбоку, просунул голову под руку Фу Цзюэчжи, согнулся и так, спотыкаясь, продолжил идти.

Лоу Чжоу:

— ...

Он занимал высокую должность и всегда умел говорить с людьми именно так, как требовала ситуация.

Но сейчас открыл рот и понял, что сказать нечего.

Наверное, князь не станет спорить с пьяным.

Однако когда Фу Цзюэчжи отпустил Чжао Наня, тут же обхватил за талию и поднял на руки, а затем высокая фигура исчезла в ночи, Лоу Чжоу уже не был в этом так уверен.

Ночь стояла глубокая.

Евнухи княжеской резиденции держали фонари и помогли им подняться в карету. Один уже хотел последовать внутрь, когда раздался голос Фу Цзюэчжи:

— Выйди.

Лоу Чжоу остался снаружи и не стал строить догадок.

Лицо оставалось невозмутимым. Он лишь подозвал стражника править каретой.

Колёса плавно тронулись.

На столе заранее стоял отрезвляющий отвар.

Фу Цзюэчжи посмотрел на Чжао Наня, налил чашку и слегка поднял её, ничем не выдавая эмоций.

В ночном свете его черты казались немного мрачными.

Чжао Нань держал лицо ладонями и смотрел на него, а потом вдруг без всякой связи произнёс:

— Несчастный.

Брови Фу Цзюэчжи смягчились. Он тихо рассмеялся, поднёс чашку к губам Чжао Наня и хрипловато спросил:

— Что с Туаньтуанем?

Чжао Нань не ответил и пить не стал.

Уголки глаз розовели, а взгляд упрямо держался на Фу Цзюэчжи.

— Почему ты несчастный?

Ветер приподнял край занавески.

Фу Цзюэчжи закрыл глаза. Пальцы на мгновение остановились.

В четырнадцать лет он потерял обоих родителей. В пятнадцать — один приехал в столицу.

Девять лет здесь он истощал себя делами и шёл один, без спутников.

Он давно научился прятать любые чувства под спокойной, мягкой оболочкой.

Фу Цзюэчжи был чрезвычайно хорош в искусстве выглядеть хорошим человеком.

А мрачность, одержимость и кровожадность были его настоящей основой — тем, что показывалось наружу, когда ярость лишала контроля.

Но в последнее время проблемы на границах следовали одна за другой, а поведение некоторых людей при дворе было настолько отвратительным, что смотреть тошнило.

Совсем недавно глаза Фу Цзюэчжи были полны тьмы, а внутри жила одна мысль: Дачан уже не спасти, и все вокруг заслуживают смерти.

Теперь внутри кареты горел тёплый свет.

И он добровольно позволил себе утонуть в чёрных, влажных глазах Чжао Наня.

Тот выглядел растерянным, но спрашивал с удивительным упорством:

Почему ты несчастный?

Так вот что это было.

Несчастье.

Кадык Фу Цзюэчжи двинулся.

Под этим взглядом он наконец позволил себе признать собственное состояние.

Он поставил чашку и пальцем провёл по покрасневшему уголку глаза Чжао Наня.

— Я несчастный.

Палец на веке был тёплым.

Чжао Нань был пьян до головокружения, но движения оставались неуклюже осторожными.

Он подражал Фу Цзюэчжи и тоже погладил его у глаза — словно ласкал любящего наслаждения дурного зверя.

— Не будь несчастным.

Возможно, ему показалось, что этих слов мало.

Чжао Нань вытащил из-за пазухи маленький кувшин, зубами выдернул деревянную пробку и улыбнулся добродушно и сонно.

— Я... я попробовал шесть вин. Вот это...

На лице появилось довольное и немного гордое выражение.

— Вот это самое ароматное. Самое вкусное.

— Хочу поделиться с тобой. Не будь несчастным.

Он окончательно напился, язык заплетался, но про первоначальный замысел не забыл.

Чжао Нань снова улыбнулся:

— Понюхай.

Сказал «понюхай», но сам поднёс кувшин к собственному носу и быстро-быстро вдохнул аромат.

В чертах стояла явная хмельная расслабленность, но от этого лицо только сильнее притягивало взгляд.

Фу Цзюэчжи опустил глаза. Под бровью в колеблющемся свете легла тень.

Широкая ладонь обхватила Чжао Наня за шею сзади.

Князь наклонился ближе.

На этот раз в движении не было прежней мягкости. Оно несло ощутимое давление.

Тёплое дыхание коснулось губ.

Чжао Нань почувствовал знакомый аромат сосны.

Заржавевший от алкоголя мозг долго пытался понять: Фу Цзюэчжи нюхает кувшин... или его губы?

Чжао Нань ничего не понял.

В тумане сознания раздался тихий смешок. Тело наклонилось вперёд вслед за движением Фу Цзюэчжи, и губы прижались к гладкой керамике кувшина.

Поверхность была прохладной и нежной.

Мрачность после вечернего совещания полностью исчезла.

Фу Цзюэчжи прищурился и посмотрел, как край кувшина слегка вдавливают мягкие губы Чжао Наня.

В глубине глаз блеснула тёмная жадность хищника.

Но похвалы он не пожалел.

Голос прозвучал низко, тепло и хрипло, со смехом:

— Гранатовое вино.

— Наш Туаньтуань отлично разбирается в выпивке.

<http://bllate.org/book/19943/1983946>